

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

В серию входят книги
по современному богословию
(основное, литургическое,
нравственное богословие
и другие его разделы), принадлежащие
перу выдающихся современных
авторов основных христианских
конфессий

С О В Р Е М Е Н Н О Е Б О Г О С Л О В И Е

Политическое богословие

Под редакцией Алексея Бодрова
и Михаила Толстолуженко

ИЗДАТЕЛЬСТВО

М О С К В А

ББК 86.376
УДК 230.111/227.12
П 504

Политическое богословие / Под. ред. Алексея Бодрова и Михаила Толстолуженко (Серия «Современное богословие»). – М.: Издательство ББИ, 2019. – х + 364 с.

ISBN 978-5-89647-367-1

В книге анализируются сложные вопросы взаимодействия и взаимопроникновения политического и религиозного в современном обществе в рамках богословского дискурса. Среди авторов сборника – известные богословы и мыслители Карл Барт, Дитрих Бонхеффер, Юрген Мольтман, патриарх Варфоломей, Рене Жирар и ведущие отечественные и иностранные специалисты, представители разных конфессий и культур.

Верстка: Николай Жильцов
Обложка: Антон Бизяев

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2019
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316,
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Бодров. Религиозное и политическое в современном обществе. Предисловие vii

1. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО 1

Карл Барт. Услуга церкви государству 3

Павло Смыцнюк. Извилистая граница: *полис*, гражданская религия и различие между *sacrum* и *profanum* 16

Сергей Чапнин. Православие в публичном пространстве: война и насилие, герои и святые. 40

Борис Кнофре, Арсений Куманьков. «Богословие войны» в постсоветском российском православии 52

Алексей Зыгмонт. «Христианское государство»: обманчивая тень православного халифата 77

Кирилл Говорун. Фундаментализм в восточном христианстве 92

2. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА 113

Дитрих Бонхеффер. Церковь и мир I 115

Вселенский патриарх Варфоломей. Православие и права человека 127

Дэвид Хукема. Богословие и идеология в дискурсе о правах человека. 141

Эммануэль Класис. Права человека и православная церковь в глобальном мире 165

3. БОГОСЛОВИЕ И ПОЛИТИКА 187

Юрген Мольтман. Терроризм и политическое богословие 189

Рене Жирар. Устремление к крайности 201

<i>Майкл Кирван.</i> «Между политикой и апокалипсисом»: тео-политические истолкования современного мирового кризиса	235
<i>Аристотель Папаниколау.</i> Преодолевая политическое несториянство: на пути к халкидонской политике	250
<i>Светлана Коначева.</i> Слабость Бога как вызов для политического богословия	267
<i>Давор Джалто.</i> Что не так с «левыми» и «правыми»? Точка зрения православного христианина	280
<i>Хелен Зоргдрагер.</i> Гендеризация границ и границы против гендера: феминизм и политическое богословие в «постмайданной» Украине	305
<i>Стивен Гарретт.</i> Богословие и справедливость наций: поиски неуловимой справедливости в политически многообразном секулярном мире	335
<i>Ахмет Ярлыкапов.</i> Проблемы государственно-конфессиональных отношений в условиях роста мозаичности ислама на Северном Кавказе	350
Об авторах и редакторах	363

Алексей Бодров

РЕЛИГИОЗНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ. ПРЕДИСЛОВИЕ

Политическое богословие – тема, очень трудная для академического дискурса. Политическое, общественное и религиозное так тесно связаны, так сильно влияют друг на друга (и в истории, и в современности), а их границы настолько размыты и взаимопроницаемы, что иногда это напоминает перихорезис. Между тем эта тема чрезвычайно важна не только для богословского осмысления, но и для самой жизни в современном мире.

То, что наше общество чрезвычайно политизировано, а религия играет все большую роль во многих местных и глобальных конфликтах и активно используется в политической борьбе – давно стало общим местом. Однако понять, что же такое религия в современном мире, становится все труднее. Набор ли это верований и практик (как привычно считать богослову или классическому религиоведу) или это, скорее, составная часть мировоззрения, культуры и традиции (что кажется очевидным на основании привычного общественно-политического дискурса)? Иногда кажется, что религия в ее классическом понимании, с ее верованиями, практиками и богословием, отошла на второй план и почти пропала из виду.

Чарльз Тейлор, один из ведущих современных философов, католик, пишет, что видоизменение религии в современном мире и ее

дробление на мириады новых верований и практик – процесс неизбежный, он тесно связан с появлением модерна и постмодерна и развивается уже на протяжении, по крайней мере, 500 лет (вспомним здесь недавний юбилей Реформации). Однако Тейлор говорит не о Реформации, а о реформе, которая работала в современных западных обществах на протяжении этого времени¹. Отсюда ясно, почему планируемый и широко объявленный закат религии не произошел. Религия не уходит из нашей жизни, но видоизменяется вместе с изменениями человека и общества.

Если мы не хотим вернуться в Средневековье, на 500 лет назад, когда религиозная картина мира была проста и понятна всем (по-разному на разных уровнях, разумеется), то нам нужно постараться разобраться в современной религиозной пестроте и в упомянутом перихорезисе политического, общественного и религиозного. Важно научиться отделять действительно религиозное (как бы непривычно оно не выглядело) от квазирелигиозного, обычно тесно связанного с часто навязанной идеологией или мировоззрением. Задача почти невозможная, но именно здесь богословский дискурс может быть очень полезен.

В своей недавней программной речи на их местном Валдае² Виктор Орбан, премьер-министр Венгрии, так описывает христианскую демократию:

Конечно, в Центральной Европе есть много неправильных представлений, связанных с христианством и политикой. ... Христианская демократия не призвана защищать религиозные аспекты веры – в этом случае христианские аспекты веры. ... Христианская демократическая политика означает, что образ жизни, определяемый христианской культурой должен быть защищен. Наша обязанность защищать не аспекты веры, а формы бытия, которые из них выросли. Это включает человеческое достоинство, семью и нацию – поскольку христианство не ищет универсальности через упразднение наций, но через их сохранение. ... Давайте уверенно заявим, что христианская демократия – не либеральна. Либеральная демократия либеральна, в то время как христианская демократия, по определению, не либеральна: она, если угодно, антилиберальна [illiberal]. ... Либеральная демократия предпочитает мультикультурализм, в то время как христианская демократия приоритизирует христианскую культуру – это антилиберальная концепция. Либеральная демократия за иммиграцию, христианская демократия против иммиграции – это опять истинно антилиберальная концеп-

¹ Чарльз Тейлор, *Секулярный век*, М: ББИ, 2017.

² <https://visegradpost.com/en/2018/07/30/say-goodbye-to-the-entire-elite-of-68-the-new-project-of-viktor-orban-full-speech/>

ция. И либеральная демократия поддерживает новые формы семьи, в то время как христианская демократия покоится на основаниях модели христианской семьи – опять-таки, это антилиберальная концепция. ...

Яснее, пожалуй, не скажешь. Здесь ни о каком богословии и даже просто о христианстве нет и речи. Это идеологический конструкт, неприятие новых форм бытия и апелляция к так называемым традиционным ценностям.

В России последние несколько лет риторика о традиционных ценностях пронизывает все уровни политико-религиозной жизни настолько, что это уже претендует на новую квазирелигию. Никто толком не может определить, о каких, собственно, ценностях идет речь. Традиционные ценности существенно отличаются в разных религиозных традициях. Активно работает российско-иранская группа по богословскому (!) православно-шиитскому диалогу, основным результатом которой являются декларации о защите традиционных ценностей против либерального западного влияния. Именно последнее, кажется, реально объединяет защитников традиционных ценностей, относящихся к разным религиозным традициям (или вовсе не исповедующим никакой религии). Если мы говорим о новой квазирелигии (со всеми ее быстро формирующимися ритуалами и жертвоприношениями), то подобное объединение и активное сотрудничество представителей разных религиозных и нерелигиозных традиций можно назвать суперэкуменизмом, новым религиозно-политическим движением. Здесь уместно сослаться на давно опубликованную ББИ «Декларацию ревнителей великой Схизмы им. Кардинала Гумберта и Патриарха Михаила Керуллария»³, основным мотивом которой является лозунг «Антиэкуменисты всех традиций объединяйтесь, только вместе мы сможем преодолеть экуменическую заразу!». Тогда это казалось смешным, оказалось – пророческим. Все чаще встречаются публикации об «экуменизме 2.0», основанном на объединении «консервативных» сил самых разных религиозных традиций.

В 2015 году ББИ организовал в Белграде международную конференцию «Политическое богословие». Она вызвала большой интерес специалистов – богословов и религиоведов – основных христи-

³ *Страницы: богословие, культура, образование*, 2 (1996), с. 141-146; *Богословские досуги*, ред. Алексей Бодров и Ирина Языкова, М: ББИ, 2016, с. 29-34.

анских конфессий. Лейтмотивом организации этой конференции было углубленное обсуждение религиозного и политического в жизни современного общества и их богословское осмысление. Основу предлагаемого сборника составляют избранные доклады с этой конференции и целый ряд статей ведущих мыслителей современности, которые активно работали и продолжают работать в этой области – Карла Барта, Дитриха Бонхёффера, Юргена Мольмана, патриарха Варфоломея, Рене Жирара и других. Мы условно разделили книгу на три части: церковь и государство, права человека, богословие и политика, хотя, конечно, многие статьи выходят за рамки обозначенных тем.

Мы надеемся, что эта книга будет хорошим вкладом в обсуждение и осмысление религиозно-политических процессов, проходящих в современном мире.

Москва, август 2018

1.

ЦЕРКОВЬ
И ГОСУДАРСТВО

Карл Барт

УСЛУГА ЦЕРКВИ ГОСУДАРСТВУ*

Если рассмотреть все обращенные в Новом Завете к христианам требования об их поведении по отношению к государству, то, несомненно, справедливо, что высказанное в 1 Тим 2:1 требование *ходатайственной молитвы* можно поставить в центр внимания как самое интимное и одновременно обобщающее и радикализующее все остальные. При этом необходимо только учитывать, насколько всеобъемлюще это особенное требование уже само по себе. Ведь христиан призывают приносить «прошения, молитвы, ходатайства, благодарения» за всех людей и в особенности за царей и всех носителей власти. Говорит ли этот отрывок, что церковь должна – не только мимоходом, не только в одной из своих функций наряду с другими, но во всем своем делании, в котором она существует как церковь, – ходатайствовать перед Богом за всех людей, а в особенности – за представителей государства? Заступаться, то есть – ведь именно это означает *ὐλέρ* – призывать Бога вместо тех, кто сам не может и, вероятно, не хочет призывать Его, но, однако, это необходимо, поскольку только от Бога они могут получить и сохранить свою *ἐξουσία*, такую благотворную для церкви и такую необходимую для проповеди оправдания всем людям. Не намеренное превращаться в предмет поклонения государство нуждается в молитве за себя, за своих представителей. То, что это происходит, есть, говоря в принципе и в общем, услуга церкви государству. Могла ли бы она отчетливее напомнить государству о его ограничениях и могла ли бы она сама отчетливее вспомнить о своей свободе по отноше-

* Глава из работы *Оправдание и право*, М.: ББИ, 2006, с. 46–63.

нию к нему, чем *так* заступаясь за него? Однако это заступничество церкви за государство, очевидно, должно совершаться без вопросов о том, действительно ли государство оказывает церкви ответную услугу, которую оно должно ей оказывать. И тем более без вопросов о том, достойны ли этого отдельные представители государства. Как же можно задавать такие вопросы, если речь идет об этой услуге? Именно она была бы, по-видимому, тем необходимым, чем отрицательнее должен был быть ответ на этот вопрос. Как и вообще сущность оправдания становится тем отчетливее, чем более серьезным, настоящим грешником предстает перед Богом и людьми получивший оправдание человек. Поэтому: порученному христианам священническому служению не может воспрепятствовать даже самый фатальный ответ на упомянутый вопрос; напротив, он только способствует этому служению; ответственность церкви за государство не уменьшается, а только увеличивается из-за того, что оно, возможно, жесточайшее неправовое государство.

Для понимания слов: «Всякая душа да подчиняется...» (Рим 13:1 и пар.), несомненно, было бы хорошо, если бы мы не так часто, как замороженные *in abstracto*^{*}, сосредоточивались именно на этом требовании, а обратили бы внимание на то, в каком контексте оно находится благодаря упомянутому выше первому требованию. Может ли это «подчинение» принципиально обозначать нечто иное, чем соответствующую священническому положению общины позицию ее членов? Ведь ὑποτάσσεσθαι τινί совсем не означает прямо и абсолютно «подчиняться кому-либо», но – уважать кого-то в занимаемом им положении. Речь идет о подчинении, одновременно определенном и ограниченном рамками, в которых оно происходит, а именно определенной τάξις^{**}. Однако τάξις в этом случае, как и в других, в которых встречается этот глагол, установлена не самими авторитетными лицами, а основана, согласно стиху 2, на διαταγή τοῦ θεοῦ, на *ordinatio Dei*^{***}. Таким образом, их необходимо уважать по причине и в духе этого божественного установления. В чем же ином может состоять соответствующее этому установлению уважение христианами важных лиц государства, если не в ожидании от

* Отвлеченно (*лат.*). – Здесь и далее в сносках под знаком * даются примечания переводчика или редактора.

** Организация, устройство (*греч.*).

*** Порядок Бога (*лат.*).

них при любых обстоятельствах лучшего, а именно права, то есть защиты проповеди оправдания, а также в готовности при известных условиях вместо права потерпеть несправедливость и, следовательно, так или иначе признать данную им Богом ἔξουσία или их самих как установленную Богом ἔξουσία. Если бы христиане не делали этого, если бы они воспротивились этой διαταγή и, таким образом, отказали бы государственной власти в этом определенном и ограниченном Божьим установлением уважении, тогда они воспротивились бы, согласно тому же стиху 2, самому Богу, а их существование в сфере государственной власти стало бы для них осуждением. Не считающиеся с упомянутым положительным божественным назначением государства и не готовые, если нужно, терпеть от него и несправедливость, они бы *eo ipso** принадлежали бы к тем какоί**, которые должны бояться его силы, для которых оно с его мечом с данной ему принудительной властью явно или скрыто – «власть сама по себе есть зло», – может быть лишь исполнителем суда Божьего гнева, лишь ужасным представителем потепляемости века сего (стихи 4–5).

Но ведь именно это требуемое Рим 13 уважение к государственной власти теоретически и практически невозможно отделить от упомянутой священнической функции церкви. Она не может заключаться в абстрактной и абсолютной покорности намерениям и предприятиям государственной власти. Не может уже потому, что не только по Апокалипсису, но и согласно Павлу необходимо ожидать, что государственная власть, со своей стороны, может оказаться виновной в противлении Господу господ, божественному установлению, которому она обязана своей властью. Если и тогда уважение к ней остается неизменным, то покорность в этом случае может быть только пассивной и только ограниченной. Ὑποτάσσεισθαι ни в коем случае не может означать, что церковь и ее члены по собственной инициативе будут одобрять и добровольно содействовать намерениям и предприятиям государственной власти и тогда, когда последние вместо защиты будут направлены на преследование проповеди оправдания. Христиане и тогда не останутся перед ней в долгу в отношении того, что ей полагается как администратору публичного права, как устанавливающей порядок власти:

* Тем самым (*лат.*).

** Злые (*греч.*).

«всем должное: кому налог – налог; кому пошлину – пошлину; кому страх – страх; кому (как представителю и носителю этой ἐξουσία) честь – честь!» – в том числе и тогда, когда он злоупотребляет этой ἐξουσία или когда эта ἐξουσία выказывает в его поведении свое демоническое противление Господу господ. Христиане будут в согласии с Мф 22:21 и тогда отдавать кесарю кесарево, то есть то, что ему причитается не как хорошему или плохому императору, а просто как императору: то право, которое принадлежит ему и в том случае, если он извращает право, превращая его в противоправность. Ведь он есть и остается установленной Богом ἐξουσία и в последнем случае, и потому не может быть лишен того, что ему причитается. Однако должно оставаться таким же непоколебимым и в том, что христиане должны отдавать Божье Богу: таким же непоколебимым и в том, что церковь должна быть и оставаться церковью. Таким образом, требуемое от христиан ὑποτάσσεσθαι не может означать, что они также могли бы усвоить намерения и предприятия государственной власти, прямо или косвенно направленные против свободы их благовествования, могли бы взять ответственность за них и на себя самих. Разумеется, ὑποτάσσεσθαι не прекратится и тогда. Но именно как ὑποτάσσεσθαι, именно *уважая* государственную власть и не переставая исполнять свой долг по отношению к ней, только тогда они будут ее жертвами, в своей конкретной воле и деятельности не отвечая, не участвуя «от души», и именно как ὑποτάσσεσθαι они не смогут скрыть это, но – решающим образом для того, чтобы проповедь оправдания при любых обстоятельствах продолжалась, – должны будут публично продемонстрировать это. И это произойдет не *против* государства, а как услуга церкви *для* государства! Ведь ее уважение к государственной власти есть принадлежность священнической функции, в которой христиане противопоставят ему. Ведь они перестали бы делать то основное, что они могут и обязаны делать для государства, если бы дело дошло до активной покорности, до согласия с волей и деятельностью государства, прямо или косвенно направленными на угнетение свободы Слова Божьего. Ведь от свободы Слова Божьего зависит и возможность ходатайственной молитвы за государственную власть. Они стали бы объективно и фактически врагами государства, если бы *не* дистанцировались от такой угрожающей этой свободе государственной власти или же если бы они скрыли эту дистанцию – высшей

степени невозмутимую, в высшей степени превосходящую, очень предостерегающую дистанцию! Иисус был бы объективно и фактически врагом государства, если бы Он, например, *не* отваживался время от времени преспокойно называть своего государя Ирода «лисицей» (Лк 13:32). Как раз по отношению к сбившейся с пути истинного государственной власти установление Божье, которому она обязана своим существованием, не может быть почтено более чем этой *критической* формой уважения, причитающегося ему при любых обстоятельствах. Ведь какая услуга вообще может быть оказана такой государственной власти, если не ходатайственная молитва? И кто может молитвенно ходатайствовать за нее, если не христиане? И как бы могли христиане делать это, если бы, одобряя извращенность государственной власти, они стали предателями собственного дела? Что это за уважение к государственной власти, означающее такое предательство?

После этого разъяснения ὑποτάσσειν в Рим 13:1 в его связи с 1 Тим 2:1 ничто не мешает нам принципиально понять сущность услуги, которую церковь как орган божественного оправдания должна оказывать государству как органу человеческого права, которую государство вправе ожидать от нее и которой она, если исполняет послушание, действительно служит государству. Мы слышали, что между двумя этими сферами существует взаимная гарантия. Теперь зададим вопрос: какую гарантию церковь может предложить государству?

После всего, что нам встретилось конститутивного для отношения между обеими сферами, во-первых, можно ответить, что кроме церкви в мире не существует места, где имеется и выражается принципиальное *знание* о правомочности и необходимости государства. Исходя из других точек зрения, государство вообще и каждое отдельное государство с его усилиями в области человеческого права может быть поставлено под вопрос. Со стороны церкви, проповедующей всем людям божественное оправдание, этого произойти не может. Ведь для церкви авторитет государства заключен в авторитете ее Господа Иисуса Христа. Живя в ожидании вечного государства, церковь воздает почести и земному государству, всегда ожидает от него самого лучшего, то есть что оно по-своему, в сфере «всех людей», должно служить тому Господину, которого верующие уже сейчас любят как своего Спасителя. Ради свободной пропове-

ди оправдания церковь ожидает от государства, что оно будет государством и, таким образом, будет создавать законы и осуществлять правосудие. Однако церковь чтит государство и в том случае, когда оно не выполняет этого ожидания. Тогда она защищает государство против государства, тогда, отдавая Богу Божье и слушаясь Бога больше, чем людей, она своим молитвенным ходатайством представляет единственную возможность вновь восстановить и спасти от гибели государство. Государства могут возникать и исчезать, политические концепции могут меняться, политика как таковая может интересовать или не интересовать людей, – однако *один* фактор всегда должен быть сохраняющим и даже обосновывающим государство фактором, и это, невзирая на все развития и изменения, христианская церковь. Ибо что знают сами государственные деятели и политики о последней правомочности и необходимости своей деятельности? Кто или что дает им уверенность в том, что их деятельность как таковая не есть суета, хотя они и так серьезно относятся к ней? Не говоря уже о других, чью ответственность за полис и чье право государственные деятели могут только представлять и в чьем сотрудничестве они так нуждаются! Как божественное оправдание представляет собой правовой континуум, так и церковь – политический континуум. И то, что она им является, есть ее первая и основная услуга государству. Ей лишь необходимо действительно быть *церковью*, тогда она действительно будет этим континуумом. Государство же принимает эту услугу и тайно живет ею независимо от того, знает ли оно об этой услуге и благодарно ли оно за нее или нет, хочет ли оно признавать ее или нет.

Мы вступаем в кажущуюся более низкой сферу, напоминая, во-вторых, с повторной ссылкой на Рим 13:5-7, что именно церковь требует от своих членов с настойчивостью, не имеющейся ни у какой другой инстанции, исполнения тех *обязанностей*, от которых еще не зависит добро или зло государства, но зависит стабильность каждого государства как такового. То, что налоги и пошлины действительно принадлежат государству, что его законы и его представители действительно должны со страхом и почтением признаваться таковыми, может быть безусловно и настоятельно сказано только исходя из божественного оправдания грешного человека, потому что только так можно защитить это утверждение против софизмов и отговорок оправдывающего самого себя и потому всег-

да тайно бегущего именно от права человека. Церковь знает, что государство не смогло бы ни создать, ни защитить подлинное и собственно человеческое право, *ius unum et necessarium*^{*}, а именно право свободы проповеди оправдания, если ему будет отказано в том, что ему причитается, чтобы вообще сохраниться как гаранту права, и поэтому она требует, чтобы оно получало это при любых обстоятельствах.

Разумеется, мы многое бы дали за то, чтобы Рим 13 и остальной Новый Завет несколько подробнее проинформировали бы нас о том, что, в частности, необходимо понимать под этими ожидаемыми от христиан и возложенными на них политическими обязанностями, а что – нет. Здесь возникают вопросы, ответы на которые мы можем найти в Новом Завете не прямо, а только косвенно: в осмысленном продолжении данных там ответов.

Могло ли, например, в Рим 13:7 также говориться: τῷ τὸν ὄρκων τὸν ὄρκων? Относится ли к обязанностям, выполнение которых само собой разумеется, и принесение *присяги*, возможно, требуемое государственной властью? Как известно, реформаторы положительно ответили на этот вопрос, а в связи с Мф 5:33 слл. хотелось бы, чтобы они сделали это по крайней мере не без колебаний. Даже если принесение присяги одобряется, конечно, государственная присяга (с уважением к государству!) *не* может быть принесена в том случае, если она как тотальная присяга (то есть присяга на имя, которое фактически имеет смысл и силу имени Божьего) *eo ipso* означает упомянутую активную покорность государственной власти, угрожающей свободе Слова Божьего, и, таким образом, для христиан – предательство церкви и их Господа.

Относится ли и *военная служба* к обязанностям, выполнение которых само собой разумеется? Реформаторы и на этот вопрос ответили положительно, и снова хотелось бы пожелать, чтобы они не так поспешили. То, что государство обладает убийственной природой века сего, особенно заметно в том, что, согласно Рим 13, оно носит меч. Во всяком случае, в этом вопросе невозможно прийти к принципиально иному решению, чем реформаторы. Человеческое право нуждается в гарантии посредством человеческой власти. Человек не был бы нуждающимся в божественном оправдании

^{*} Единый и необходимый закон (*лат.*).

грешником, если бы он был другим. Государству, которому снаружи или изнутри угрожает сила, придется быть готовым к сопротивлению силе силой, чтобы продолжать быть государством. Против него должны иметься очень веские причины, дающие христианину право и призвание отказаться от несения службы, – даже если бы церковь как таковая имела право и призвание сказать здесь «нет». Принципиального христианского отрицания здесь быть не может, так как это означало бы принципиальное отрицание земного государства, которое как таковое не может быть христианским. В особенности относительно швейцарской государственной обороны страны мне хотелось бы добавить: здесь и, таким образом, для нас определенно не может быть и практического отрицания. Можно иметь много серьезных возражений против того, как швейцарское государство старается функционировать в качестве правового государства, но они не дают разумных оснований утверждать, что оно противостоит церкви, как зверь из бездны в Откр 13. Напротив, сегодня можно и должно сказать это более чем о другом государстве, защищать наш правопорядок против которого стоит усилий; и поскольку это так, именно сегодня и с христианской точки зрения разумно и правильно защищать наши границы, и если швейцарское государство делает это, то непонятно, почему церковь в Швейцарии не может в этом решительнейшим образом поддержать государство¹.

Иначе обстоит дело с вопросом, имеет ли государство право для усиления своей власти в какой-либо форме *внутренне* претендовать на своих подданных и граждан и, таким образом, требовать от них определенного *мировоззрения* или, по крайней мере, мировоззренческих состояний или антипатий. Исходя из Нового Завета, на этот вопрос необходимо ответить категорически отрицательно. Требования такого рода не могут продолжать линию Рим 13 и потому по праву не должны ни предъявляться, ни исполняться. Здесь скорее более или менее близка угроза зверя из бездны, в то время как справедливое государство именно в этой претензии не нуждается и не будет выдвигать ее. Требование любви в Рим 13 достаточно отчетливо отличается от требований, исполнением которых мы обязаны государству. Если государство начинает требовать любви,

¹ Само собой разумеется, что то же можно сказать и о церкви в Чехословакии, в Голландии, Дании, Скандинавии, Франции и особенно в Англии.

оно всегда намеревается стать церковью ложного Бога и, тем самым, неправовым государством. Правовое государство нуждается не в любви, а в трезвых делах решительной ответственности. Именно они гарантируются ему церковью оправдания.

Намного затруднительнее, поскольку принципиальнее, другой кажущийся пробел в новозаветном наставлении. Он состоит в том, что Новый Завет, как кажется, конкретно говорит только о чисто авторитарном государстве и, таким образом, о христианах только как подданных, но не о гражданах, лично разделяющих ответственность за государство. Однако исполнение политического долга, надо надеяться, не исчерпывается для нас уплатой налогов и пассивной законопослушностью в остальном. Исполнение политического долга означает для нас, сверх того, ответственный выбор власти, ответственное принятие необходимых к исполнению законов, ответственное наблюдение за их исполнением, одним словом, активную политическую деятельность, которая, вероятно, может и должна означать также политическую борьбу. Если бы церковь не гарантировала современному государству именно эту форму исполнения политического долга, что бы она вообще могла предложить ему, «демократическому» государству? Очевидно, теперь должен быть поставлен вопрос, находимся ли мы и здесь в легитимном продолжении линии Рим 13? Кажется, мы рискуем слишком многим, отваживаясь положительно ответить на этот вопрос. Однако на него необходимо однозначно ответить положительно. Теперь все зависит от того, правильна ли связь $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\tau\acute{\alpha}\sigma\sigma\epsilon\upsilon\sigma\theta\alpha\iota$ в Рим 13 с призывом к просительной молитве в 1 Тим 2. А именно, если молитва христиан за государство есть масштаб и норма $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\tau\acute{\alpha}\sigma\sigma\epsilon\upsilon\sigma\theta\alpha\iota$, а оно – приложение к священнической функции церкви, то эта молитва будет серьезно воспринята как ответственная поддержка государства христианами, тогда уже этим, казалось бы – но, очевидно, только казалось бы – нарушена господствующая в Рим 13 схема чисто пассивного подчинения христиан. Тогда всерьез возникает вопрос, случайно ли, что именно в сфере влияния христианской церкви со временем развились именно «демократические», то есть основанные на ответственном участии всех граждан, государства². Может

² «К которым по смыслу надо причислить и “монархии”, такие как английская, голландская и т. д.!» – Фраза о равной схожести или несхожести всех возможных государственных форм по отношению к Новому Завету не только устарела, но

ли искренняя молитва долго оставаться без соответствующей деятельности? Можно ли просить Бога о чем-то, не будучи в тот же момент решительно настроенным и готовым сделать для этого все находящееся в рамках собственных возможностей? Можно ли, таким образом, молиться о том, чтобы государство было сохранено для нас, и сохранено именно как правовое государство, или о том, чтобы оно снова стало правовым государством, не прилагая лично, в своем сознании и в своей деятельности, усилий для того, чтобы это произошло, не имея вместе с «Шотландским исповеданием веры» серьезной воли и не исповедуя: *vitae bonorum adesse, tyrannidem opprimere, ab infirmioribus vim improborum defendere*^{*}, не рассчитывая при известных условиях вместе с Цвингли, что власть имущие, которые ведут себя вероломно и вне закона Христова, должны быть «смещены Богом». Можно ли проявлять к государственной власти необходимое уважение, не приняв ее дело со *всеми* этими последствиями? Таким образом, именно относительно самого интимного и центрального содержания данного новозаветного требования я бы сказал, что если мы где-то находимся на почве его легитимного толкования, то именно в продлении новозаветной линии в смысле «демократического» понятия государства. Ведь расхождение между оправданием и правом, между ἐκκλῆσία и πόλις, странничество христиан в этой другой сфере не отменяется, но целостная, неизбежная серьезность новозаветного указания еще резче освещается там, где ясно, что христиане должны не только терпеть земное государство, но и *хотеть* его, и что они не могут хотеть его как государство Пилата, а только как *правовое государство*; что не существует внешнего бегства из той другой, политической, сферы, что они, полностью находясь в церкви и полностью направленные к будущему полису, в такой же степени обязаны долгом и ответственностью земному государству, точно так же полностью призваны к работе и (пусть будет так!) к борьбе, как и к молитве за него, что каждый из них солидарно *ответствен* за *правовой* характер государства. И

и неверна. Верно, что в демократии можно сойти с ума и обрести блаженство при господстве черни или диктатуре. Но неверно, что христианин может также серьезно одобрять, желать, стремиться к господству черни или к диктатуре, как и к демократии.

* Содействовать благой жизни, подавлять тиранию, защищать от ненадежной силы нечестивых (*лат.*).

именно «демократическое» государство может как осознавать, так и не осознавать, что оно ниоткуда не может ожидать более верного, полного исполнения долга, чем от членов такой чуждой ему как государству сферы – основанной на божественном оправдании *ἐκκλησία*.

Нам остается рассмотреть последний вопрос относительно гарантии церкви государству. Вспомним, как новозаветное требование в известном смысле достигает высшей точки в указании на то, что христиане в конечном итоге и решительно должны отдавать кесарю кесарево (императору – то, что ему принадлежит) через их *ἀγαθοποιεῖν**. Но что это означает, если под *ἀγαθοποιεῖν* понимать не нейтральную нравственную порядочность, а их прожитую в вере в Иисуса Христа жизнь, жизнь детей Божьих, жизнь церкви как таковой? Тогда это все-таки означает, что решающая услуга церкви государству состоит просто в том, чтобы она утверждалась и заполняла свое пространство как церковь. Делая это, она наилучшим образом заботится и о совершенно ином пространстве государства. Проповедуя божественное оправдание, она также наилучшим образом служит установлению и сохранению человеческого права. Никакая прямая акция, которую она, в благонамеренном рвении действуя наполовину или целиком политически, могла бы предпринять и провести, не сравнилась бы с положительной релевантностью *той* акции, в которой она, абсолютно аполитично, совершенно без вмешательства в дела государства, проповедует грядущее царство Христа и, таким образом, оправдание одной верой: истинные, согласные с Писанием *проповедь* и *обучение*, а также истинное, согласное с Писанием совершение *таинств*. Осуществляя эту акцию, она, с точки зрения тварного пространства, является основательницей и хранительницей государства. Государство, если оно мудро, в конечном счете не будет ожидать и требовать от нее ничего другого, поскольку в этом заключено все, что она может сделать для него, включая упомянутое целостное политическое обязательство ее членов. Теперь тему можно и нужно сформулировать еще более остро: гарантирование существования государства церковью решающим образом происходит именно за счет того, что церковь пользуется гарантией государства для самой себя, то есть его гаранти-

* Благодействовать, творить добро (*греч.*).

ей в отношении свободы своей проповеди. Возможно, это звучит странно, но так оно и есть: в этом исчерпывается то, что с точки зрения божественного оправдания необходимо сказать по вопросу человеческого права: церковь должна иметь свободу проповедовать божественное оправдание. Государство будет в той степени осуществлять свою собственную возможность и, таким образом, быть правовым государством, в какой оно не только положительно предоставляет церкви эту свободу, но и активно дает ее ей, то есть в той степени, насколько честно и последовательно оно хочет быть государством, на чьей территории существует церковь (как земельная церковь или как свободная церковь, неважно), обладающая этой свободой в силу закона. Мы знаем: земное государство не призвано и не способно установить вечное право небесного Иерусалима на земле, потому что к этому вообще не призваны и не способны ни одни человеческие руки. Однако оно призвано и способно установить человеческое право. А то, что есть человеческое право, измеряется не каким-то романтическим или либеральным естественным правом, а просто конкретной охраняемой правом свободой, которой должна пользоваться церковь для своего слова, поскольку это Слово Божье. Эта охраняемая правом свобода означает обоснование, сохранение, восстановление всего – действительно всего человеческого права. Посмотрим, хватит ли этого! Там, где эта охраняемая правом свобода признана и где истинная церковь правильно пользуется ею, там существует – свободная проповедь оправдания позаботится о том, чтобы все стало на свои места, – во взаимном определении и ограничении легитимный человеческий авторитет и такое же легитимное человеческое самоопределение, там рушатся как тирания, так и анархия, как фашизм, так и большевизм, там возникает порядок человеческих вещей, справедливость, мудрость и мир, правомерность и забота, которые необходимы для этого порядка. Не как небо (даже не как маленькое небо!) на земле! Только так, как они могут возникнуть на земле и в этом *времени*, но так, как они действительно *могут* возникнуть уже на земле и в этом времени, в мире греха и грешников. Не вечный, не неподвластный искушению, не безгрешный Соломон (то, что он все время будет проявлять себя как противоположность всему этому, не подлежит сомнению), но все же Соломон, все же образ Того, чье царство будет царством безграничного и бесконечного мира.

Вот то, что церковь может предложить государству, со своей стороны не требуя от него для себя ничего, кроме свободы. Именно этим она указывает ему на его лучшую, подлинную, возможность. Чего еще оно может требовать и что может быть для него полезнее, чем это, – быть настолько всерьез принимаемым?

Нам всем известна максима Фридриха Великого: *Suum cuique**. Менее известно то, что она как определение человеческого права, как обобщение функций истинного государства, встречается уже в «Наставлении (*Institutio*) в христианской вере» Кальвина: *ut suum cuique salvum sit et incolume***³. Однако (и этого Кальвин не сказал, это нам придется сначала попытаться вновь открыть и выучить) на оправдании грешного человека в Иисусе Христе и, таким образом, на направленности центрального послания христианской церкви основывается то, что именно это во всех измерениях будет истинно и действительно в великой временности века сего, в великой временности и противопоставления церкви и государства в данном нам между воскресением Иисуса Христа и его вторым пришествием времени божественного терпения:

Suum cuique.

* Каждому – свое (*лат.*).

** И пусть каждому своя будет целостность и неповрежденность (*лат.*).

³ *Instit.* IV 20, 3. И не может быть сомнения в том (на это любезно обратил мое внимание д-р Арнольд Эрхард из Лёрраха), что Кальвин в свою очередь процитировал здесь Ульпиана или Цицерона, которому, согласно *De Leg.* 16, 19 было известно предположение, что *lex* получил название от *Graeco Nomine* (νόμος) *a suum cuique tribuendo*.